

нии кремневых орудий (переход от пластины к отщепу) и, соответственно, в наращивании применения бифасиальных технологий. Объяснение всех происходящих в то время изменений едва ли можно объяснить лишь наступлением атлантического периода и потеплением климата. Представляется, что эти глобальные процессы должны были иметь под собой причины, укорененные, прежде всего, в социальной и духовной жизни человеческих сообществ.

Результаты радиоуглеродного датирования материалов опубликованных ранее погребений с помощью AMS-метода наряду с вновь проведенным тщательным анализом расположения костяков и погребального инвентаря, а также стратиграфии (по полевой документации и публикациям), позволили нам пересмотреть хронологию ряда погребений, которые ранее были датированы более поздним временем (средним, поздним неолитом, энеолитом).

Согласно полученным нами данным, основными индикаторами погребений раннего неолита таежной зоны Восточно-Европейской равнины являются: ориентация труположений вдоль водоема, нечастое, но стабильное присутствие в могильниках погребений ничком с руками, сложенными под тазовыми костями, присутствие традиции тугого пеленания тела и намеренного повреждения предметов погребального инвентаря, залегание погребений в материке.

Полученные результаты позволяют сравнить материалы северных областей России с синхронными материалами сопредельных территорий, прежде всего, стран Балтии, где также распространены поселения и могильники, существовавшие несколько тысячелетий подряд. Также эти данные добавляют ценные материалы к дискуссии о разнонаправленных и разнохарактерных сетях взаимодействия, существовавших в каменном веке лесной зоны Восточной Европы.

Черевко В.В.

Полоцкий государственный университет (Полоцк, Беларусь)
<https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-380-0.62-63>

ИНВЕНТАРЬ СЕЛЬСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ XIV–XVIII вв.

Доклад посвящен погребальному и поминальному инвентарю сельских погребальных памятников Белорусского Подвинья (Северной Беларуси) XIV–XVIII вв.

Исследованные сельские погребальные памятники в основном безынвентарные, что указывает на христианский канон погребения. Это характерно и для синхронных городских некрополей региона. Доля безынвентарных погребений на сельских могильниках составляет 91%.

Инвентарь делится на две группы. Первую группу составляют артефакты, наличие которых в захоронениях не противоречит христианским традициям (детали одежды, предметы личного благочестия). Так, в отдельных погребениях сохранились остатки одежды, головных уборов, обуви, деталей костюма, украшения и предметы личного благочестия. Ко второй относятся предметы, присутствие которых указывает на то, что погребение не строго соответствует христианским канонам. Преимущественно это монеты, которые могут интерпретироваться как христианское переосмысление живой народной традиции, сформировавшейся на основе дохристианской («обол мертвых», выкуп места).

Большинство предметов является отличием социального статуса умерших. Некоторые украшения могут интерпретироваться как предметы с христианской символикой. С конца XV в. в сельских и городских погребениях появляются монеты, количество которых возрастает в XVII–XVIII вв.

Погребальный инвентарь не имеет узких рамок бытования. Так, серебряные тисненные бляшки от женского головного убора датируются XII–XIV вв., серьги в виде кольца с привесками или в виде вопросительного знака – XV–XVI вв., перстни с двойным рифлением – XIV–XVI вв., проволочные застёжки – XVII–XVIII вв. Некоторые категории инвентаря (серьги, кольца) встречаются как на городских, так и на сельских кладбищах. Некоторые обнаруживаются только на сельских или только на городских могильниках. Так, тисненные бляшки от женских головных уборов встречены исключительно в сельских погребениях. Нательные крестики преимущественно представлены в городских погребениях.

Наибольшее количество вещей отмечено в женских погребениях. В мужских и особенно в детских погребениях инвентарь ограничен.

Также на сельских могильниках встречаются фрагменты керамической посуды XVI–XVIII вв., которые по расположению в культурном слое над могилами могут интерпретироваться как поминальный инвентарь. Это соотносится с этнографически зафиксированными обрядами «прыкладзінаў», «трацін», а также Дедами и Радуницей.